

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой
литературы и культуры ХГУ*

СЛАВЯНЕ И СКАНДИНАВЫ В "СКАЗАНИИ ОБ ОЛЬГЕ"

З.А. ВОЛКОНСКОЙ

В 1836 г. "Московский наблюдатель" познакомил своего читателя с фрагментами (пятой и шестой песнью) нового сочинения З.А. Волконской – романа "Сказание об Ольге". Обратиться к событиям IX-X веков писательницу побудили, в числе иных причин, и родовые предания. Как пишет А. Муравьев, "в ее жилах текла кровь Рюрика, и род Белозерских (из которого происходила княгиня-писательница. – А. В.) особенно благоговел перед ... великою просветительницею Руси (Ольгой. – А. В.). (У них в доме даже хранилась древняя ее икона, писанная, по семейному преданию, живописцем императора Константина Багрянородного в то самое время, когда крестилась Ольга в Царьграде)" [7, с.12].

Текст "Сказания об Ольге" был создан на французском и русском языках. Касаясь проблемы датировки русского текста, М.А. Гаррис отмечает, что точные хронологические рамки "определить трудно, по всей вероятности он был написан в период московской жизни княгини Зинаиды" [2, с.56-57], т. е. в 1824–1829 гг. Свой вывод М.А. Гаррис делает, опираясь на свидетельства сына княгини А.Н. Волконского, писавшего, что в Москве Волконская "изучала все, что имело отношение к истории древней России: песни, обычаи, суеверия, старинные легенды... <...> Она уже начала свой роман "Ольга" по-французски; она решила написать его по-русски. <...> Olga осталась незаконченной" [2, с.57].

Действие "Сказания..." разворачивается на севере Руси, в Киеве и его окрестностях. Сюжет произведения З.А. Волконской достаточно тесно связан с историческими событиями, зафиксированными в источниках (летописях, "Истории Государства Российского" Н.М. Карамзина, сочинениях А.Л. Шлецера и др.). Летописных реминисценций в сочинении З.А. Волконской можно обнаружить в большом количестве: посещение славянских земель апостолом Андреем, легенда о варяжской дани, походы Аскольда и Дира на Византию и их гибель, комета во времена княжения Олега, в "Сказании..." действуют летописные персонажи и т. д. Писательница не ограничивается упоминанием тех или иных летописных происшествий, она стремится к их интерпретации с точки зрения средневекового человека. Зная, к примеру, о том, какое значение придавали древние небесным явлениям, З.А. Волконская пишет, что князь Олег воспринял появление кометы как знамение богов, повелевающее ему выступить в поход.

Неоднократно использует автор "Сказания об Ольге" и летописную фразеологию, учитывая при этом контекст ее употребления в источнике. "Ходит по сю пору по Олеге" [1, с.70]¹, "мать русских городов" (74), "засияла на небе невидимая дотоле звезда" (32), – эти и другие словесные конструкции и в летописи и в "Сказании об Ольге" встречаются в связи с одними и теми же событиями и персонажами. Следует также отметить, что некоторые особенности авторского стиля имеют соответствующие аналогии в летописных текстах ("Да отсечется язык, который промолвил совет ядовитый! Да будешь ты, каган, везде осенен радостью и златом, и одр твой да устелется любовью дев славянских!" (97) и др.).

Сочинения современных историографов помогли З.А. Волконской в выстраивании собственной художественно-исторической концепции, в уточнении датировки тех или иных упомянутых летописью событий. Так, уже упоминавшаяся комета датирована Патриаршей

¹ Далее страницы этого издания указываются в тексте в круглых скобках.

летописью 911 годом [8, с.19]. Н.М. Карамзин же с помощью новейших исследований показал, что на Руси ее наблюдали до похода Олега, в 905 году [5, с.132].

З.А. Волконская также оперирует сведениями Геродота, Ибн Фадлана, Льва Диакона, Титмара Мерзебургского, Саксона Грамматика и др. Однако следует заметить, что некоторые исторические данные, сообщаемые античными и средневековыми авторами, приводятся тем же А.Л. Шлецером или Н.М. Карамзиным, поэтому можно допустить, что определенный объем информации, необходимый З.А. Волконской для воссоздания колорита места и времени, брался писательницей из "вторых рук".

Полагая, что современные народные обычаи – не что иное, как остатки язычества, З.А. Волконская использует этнографический материал для реконструкции поверий и обрядов предков. Для нее, как и для многих современников, писавших о прошлом, хозяйственно-бытовые черты народного уклада не претерпели значительных изменений на протяжении многих веков. Вот, к примеру, описание зимнего вечера в средневековом поселении: "Там, на посиделках, молодцы затевали игры, молодницы пряли, пели <...>. Старухи садились у очага; одни гадали, глядя на зажженную березовую лучину; другие... толковали сны, рассказывали про добрые и злые встречи, про оборотней и про юных рыбаков, пропавших в озере и унесенных на дно Водяным дедом. Девицы и парни, любовь на уме, собирали в деревянное блюдо ожерелья и кольца, вынимали под песни, и песни гласили им то свадьбу, то дальний путь, то богатство, то скорую смерть" (с.61 – 62).

Быт, нравы, природные условия жизни скандинавов З.А. Волконская изображает такими, какими они представлены в известных читателю того времени трудах П.А. Малле и О. Далина. Скандинавы автора "Сказания об Ольге" - это, прежде всего, викинги, участники разбойничьих морских набегов. Норманны – суровые неприхотливые воины, которые "умирая, смеются" (42)¹. В бою скандинавами овладевает "ярое бешенство" (45). Они презирают покой и малейшие проявления чувств, пьют из черепов неприятелей вино и проводят жизнь в битвах под предводительством "морских королей" (41)². "Веселье, любовь, золото, пьянство" (50) – вот смысл жизни северянина. Выразительные "викингские" подробности содержатся в описаниях походов "морского короля" Гастингса и киевского князя Игоря.

Взятие воинами Гастингса итальянского города Луна (50-е гг. IX в.) – типичный набег викингов, совершаемый силами небольших мобильных отрядов. Поход 941 года – это нашествие "Великой Скифии" киевского князя. Но в подаче З.А. Волконской разницы между этими походами нет.

Однако источники изображали скандинавов не только кровожадными завоевателями. В соответствии с этим З.А. Волконская пишет о норманнах как об искусных мореплавателях и торговцах. Северяне у нее упражняются в борьбе, беге³, носят простую шерстяную и суконную одежду с медными запонками (39)⁴ и т. п. Подробно говорится в "Сказании об Ольге" о вооружении норманнов (39), их фортификационных сооружениях (53), семейном укладе, погребальных обрядах и т. д.

Прибытие Рюрика, Синеуса и Трувора к славянам у З.А. Волконской подробно не показано: слишком кратко об этом сообщают известные ей источники. Братья-варяги изображены в "Сказании..." схематически: "Рюрик был разумен, суров и храбр; Синеус искусен на играх, быстро летал на коньках, ловко боролся; но Трувор... лучше его стрелял из лука" (52). Пришельцы составляют верхушку власти у славян и исповедуют родные законы. Они всячески подчеркивают свою исключительность: "...гордые варяги обидными словами раздражают старцев киевских... Жрецы, колдуны, колдуньи, всякий в свою очередь становится предметом дерзкой насмешки варягов" (77). "Надо быть норманном, чтобы

¹ См.: 6, с. 156.

² См.: 3, с. 355, 110.

³ См.: 6, с. 235.

⁴ См.: 3, с. 349.

пройти Океан во всю длину его" (46), – восклицает один из северян, с пренебрежением отзываясь о географической неосведомленности киевских купцов.

Ольга, варяжская женщина, несмотря на свое низкое происхождение, ведет себя как госпожа. От славянок она отличается смелостью, умом и хитростью. Сопоставление варяжских и славянских женщин вписано у З.А. Волконской в контекст сцены женских пересудов о сопернице (93–94).

В эпизоде поэтического турнира гусяря и скальда (ставшем в некоторой степени "общим местом" в исторической прозе о Киевской Руси современников З.А. Волконской) писательница противопоставляет "воспаляющие сердца" песни норманнов унылым и протяжным песням славян. Отличаются северяне от славян и своим внешним видом: они белокуры, светлоглазы, высоки ростом, длинноволосы (40) (в отличие от "чубатых" славян).

Об одном из первых варяжских князей Руси А.Л. Шлецер писал: "Сколько долго оставалась бы ещё в первобытной своей малости и грубости иная держава, составленная из народцев, едва только вышедших из дикости и окруженная столь же грубыми народцами, если бы не явился Олег" [12, с.146-147]. Его мысль продолжил Н.М. Карамзин: "Присоединив к державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней России, сей князь был истинным основателем ее величия" [4, с. 143]. Значение деятельности Олега отмечалось и Н.А. Полевым, указывавшим: "Память его была драгоценна руссам, видевшим в нем истинного князя, смелого, храброго, предприимчивого" [10, с.133]. В основе подобных восторженных отзывов лежат сообщения летописных источников о размахе деятельности Олега по укреплению Руси.

Характеристика Олега у автора З.А. Волконской не является исключением. Исключительность подчеркивается его "вещными" способностями и внешними качествами (гнев его – как гром, глаза сверкают подобно молнии (88)). Дела Олега в "Сказании об Ольге" созвучны словам историографа о том, что "только сильная рука героя основывает великие империи и служит им надежной опорой в их опасной новости" [4, с.143].

Олег продолжает дело отца князя Игоря Рюрика, считавшего, что процветание державы возможно лишь при условии уважения пришельцев к местным традициям. "Тебе ведомо, – говорит варяг-перевозчик Игорю, – что наши дети должны разуметь веру славянскую. Так велел отец твой и так велит Олег" (57). Чтобы подчеркнуть близость князя Олега к славянской культурной традиции, З.А. Волконская стилизует речь своего героя в фольклорном ключе. Гнев норманна умиряет славянская песня-"былина"¹. "А и того не забыть, братцы, – говорят киевляне об Олеге, – что ...князем... нашим зовется: славянский князь" (79).

Примечательно, что в сочинении З.А. Волконской отсутствует описание похода Олега на Царьград. И это не случайно. Как отмечает автор "Сказания...", варягов перед этим походом занимают мысли исключительно о богатствах, которые можно будет захватить в грабежах (83–84). Показать этот поход означало изобразить реализацию грабительских устремлений северян так, как ее представляют летописные источники и византийские авторы. Подобные картины не согласовывались бы с идеализированным образом князя (мимоходом, однако, З.А. Волконская дает понять читателю о грабежах воинства Олега: в его могилу собираются опустить "сосуды серебряные, похищенные самим Олегом в греческом монастыре" (107)).

Свой авторитет на славянских землях Олег поддерживает, в частности, и тем, что способствует развитию торговли: "После княжеских бесед часто отправлялся обоз с киевскими выбранными купцами и тиунами, и с провожатым варягом; примечали, что берет

¹ В "Сказании об Ольге" неоднократно можно встретить примеры использования былинно-сказочной лексики и фразеологии ("яства лакомые", "удалой молодец", "конь ретивый", "темный лес", "буйные головы", "красное солнышко", "мурава", "кручиниться" и т. п.

всегда дорогу южной Хозарии и что в то же время посылались в Новгород, в Смоленск, к древлянам и в Червленные области бояре иль тиуны" (81).

Но в образе Олега все же иногда проскальзывают черты северного героя. Князь, например, снисходительно относится к "шалостям" своих воинов (78), славянские письмены называет "каракулями"¹ и издевается над киевским кудесником (95). Норманнские черты проступают и в "рыцарском" отношении Олега к супруге Игоря².

Княжение Олега – образец, сквозь призму которого З.А. Волконская оценивает деяния его преемника. Один из персонажей "Сказания об Ольге" произносит слова, которые определяют характер изображения князя Игоря на протяжении всего произведения: "Ты не Олег!" (119)³.

По летописной хронологии к 904 году Игорь был уже зрелым мужем, но у З.А. Волконской он показан абсолютно равнодушным к государственным делам. Князь Игорь – "охотник до рассказов" (41), любопытный и нетерпеливый человек. Он проводит время в пирах, охотах и разговорах о "будущих своевольных решениях, о мнимых подвигах и о добычах" (90).

Своим пристрастием к воинским утехам Игорь напоминает князя Святослава – хотя бы в такой детали: в очаге Игорь "жарил под горячей золою отборный кус конины" (95). Обращая внимание на сходство в привычках отца и сына, З.А. Волконская, во-первых, воспринимает эту подробность как распространенную черту дружинного быта того времени, и, во-вторых, пытается обосновать "минусы" княжения Святослава, которого Н.М. Карамзин, к примеру, не считал примером "государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага" [4, с.194].

Если при жизни Олега старые воины-варяги скрывали свою неприязнь к собственной "славянизации", то молодые дружинники были настроены решительнее. Не таясь, они обвиняют Олега в том, что "его дух засорился славянской дрянью" (88). И это происходит в присутствии Игоря, который не осмеливался пресечь на корню подобные настроения. Видя нерешительность Рюриковича, Олег "не любил Игоря, не находил в нем достоинства витязя и князя ... и продолжал смотреть с презрением на все дела молодого князя" (82). Внешне же их отношения выглядят вполне благополучно: Олег сватает Игорю Ольгу и иногда, для вида, советуется с ним (заранее, правда, зная, что ничего толкового Игорь порекомендовать не сможет).

После смерти Олега Игорь по-прежнему не проявляет интереса к государственным делам, предоставляя своему дружиннику Свенельду возможность распоряжаться ими. З.А. Волконская дополняет образ князя характерными штрихами: победившего в поединке муромца прижимистый Игорь не жалуется своим княжеским даром, а заставляет купцов наградить богатыря (119)⁴; решение вопроса о сборе дани у князя зависит от результата игры в кости (127–128). Игорь равнодушен не только к славянским, но и к варяжским богам.

При Игоре славяне, почувствовав опасность усиления варяжских традиций и равнодушие князя к местным проблемам, грозятся "швырнуть их (северян. – А. В.) за моря"

¹ Как отмечает Н.М. Карамзин, "славяне же богемские, иллирические и российские не имели никакой азбуки до 863 года" [4, с.110]. Скандинавы к этому времени уже пользовались рунами [4, с. 110, 249].

² Об отношении к женщине в Скандинавии см.: 6, с.240–258.

³ Подводя итог правлению Игоря, Н. М. Карамзин пришел к выводу: Игорь "не имел, кажется, и великих свойств его (Олега. – А. В.)" [4, с.157].

⁴ Эпизод поединка муромского богатыря с древлянами (118–119) восходит, скорее всего, к известному сюжету об Илье Муромце: богатырь (Илья) одолевает лесовиков (Соловей-Разбойник) в присутствии князя Игоря (Владимир). З.А. Волконская не называет имени бойца-победителя: очевидно, для нее важнее было реконструировать возможные обстоятельства, послужившие толчком к возникновению былинного сюжета.

(110)¹. Особенно недовольны пришельцами земляки Вадима Новгородского², которые в "Сказании..." традиционно изображены бунтарями и ревнителями собственной вольности. В свое время А.Л. Шлецер писал, что "сильная привязанность новгородцев к свободе, которая во все продолжение среднего века часто оказывается сверх меры, заставляет... заключать, что они варяжского происхождения" [11, с.343]. Очевидно, упомянутая историографом "сильная привязанность новгородцев к свободе" и определила у З.А. Волконской их высокомерное отношение к робким киевлянам. Но жители Новгорода в "Сказании..." противопоставлены жителям Киева не как совершенно иной народ, не в этническом смысле, а своей решимостью дать отпор норманнам.

Качества, которыми в сочинении З.А. Волконской наделен князь Игорь, составляют в совокупности не только индивидуальную характеристику этого персонажа, но и служат контрастным фоном для изображения главной героини. Идеализация Ольги в "Сказании..." очевидна. Объясняется это не только устоявшейся житийно-историографической традицией, но и тем, что З.А. Волконская создавала жизнеописание своих предков.

Ольга показана З.А. Волконской как достойная правительница, продолжающая и развивающая опыт князя Олега. Олег "понял ее доблестный нрав и хитрый разум: часто ее звал на совет, когда решал суды и забавлялся иногда уступать прекрасной княгине право прощать виновного или отгадывать запутанное какое дело. Он видел в ней под женскою фатою разум достойного мужа и часто говорил старикам: "Вот вам Олег после меня: она напрядет дела доброго. "Жаль, – говорил он часто отцу молодой княгини, – она поздно родилась для моего супружества, а то бы я Рюриковичу ее не уступил" (82). Автор "Сказания..." принимает предположение Н.М. Карамзина о том, что имя свое Ольга получила "от имени Олега" [4, с.129].

Героиня З.А. Волконской – дочь варяга. На признании варяжского происхождения Ольги настаивал М.П. Погодин, который в качестве доказательства (по его словам, "более догадочного, нежели исторического") выдвинул следующее: "в самой жизни Ольгиной, в гражданской деятельности, в путешествии в Царьград виден дух более норманнский, нежели словенский" [9, с.137-138].

История, по словам Н. М. Карамзина, нарекла Ольгу "мудрою" [4, с.176]. Мудрость и рассудительность – главные изначальные черты княгини в "Сказании...". Эти черты проявляются уже в разговоре, который состоялся между Игорем и Ольгой в лодке (58–59). З.А. Волконская использовала предание "Степенной книги" (приведенное А. Л. Шлецером в "Несторе" [12, с.594-597]), несколько трансформировав его. Игорь не соблазняет Ольгу, а предлагает ей ехать с ним в Киев. Гордая северянка, для которой "позор... злее стрелы смертной" (59), объясняет свой отказ несоблюдением полагающихся в подобной ситуации обычаев и несамостоятельностью Игоря, его зависимостью от воли князя Олега. Похожий эпизод можно обнаружить в сагах о Рагнаре Лодброге и Харальде Прекрасноволосом (Рагнар женился только после того, как доказал избраннице свою преданность; Харальду же посоветовали, прежде чем жениться, сначала стать правителем всей Норвегии [6, с.247-253].).

Как истинная дочь варяга Ольга смела и мужественна³. Она "в легком суденушке не боится никаких бурь" (57); чтобы вернуть суженого, Ольга участвует в колдовских обрядах и собственноручно приносит жертвы (66). Разбирается Ольга и в тонкостях военного дела.

¹ Об отношении славян к варягам красноречиво свидетельствуют характеристики, которыми местные жители награждают северян: "заморская сволочь", "русая зашельщина", "железные лешие", "беззубые медведи"; варяги "каркают", "горланят" и т. п.

² О нем З. А. Волконская пишет как о реальном историческом персонаже (хотя тот же Н.М. Карамзин сомневался в достоверности предания о Вадиме [4, с.115-116]).

³ О смелости скандинавских женщин писал, например, О. Далин [3, с.366-368].

Примечательной особенностью образа Ольги является изображение внутреннего мира княгини. Эта особенность выделяет ее среди других персонажей "Сказания...", автор которого, как правило, не углубляется в переживания своих героев, не мотивирует те или иные их поступки. Чувства и настроения Ольги, нередко самые противоречивые, не разрушают традиционной трактовки образа, а, скорее, дополняют ее. Смелость и застенчивость, внешняя сдержанность и эмоциональность, вера в Судьбу и готовность самой бороться за собственное будущее, надменность и способность к сопереживанию, гордость и доброта, деликатность и любопытство, ревность, коварство, – таковы свойства природы Ольги.

З.А. Волконская отслеживает динамику внутреннего состояния своей героини на всем протяжении ее непростых отношений с супругом. После знакомства с Игорем Ольга не может успокоиться от нахлынувших эмоций (60). Девушка постоянно думает о нем, ищет утешение в гаданиях и колдовстве (62–67). Когда прибыли посланцы Игоря, Ольга, краснея от смущения, рассказывает отцу свою тайну (69–70). Ольга ждет встречи с Игорем и в то же время робеет перед ней. В своих мыслях она прощается со своей беззаботной жизнью и уже представляет себя княгиней. Став княгиней, Ольга "мучилась бездействием супруга своего и неуважением старцевых (Олега. – А. В.) воинов к нему; она видела, что в нем мало надежного, осуждала много в душе своей; но не смела про то слова промолвить, ибо, не имея детей, не находила в себе права с супругом смело изъясняться" (82). Ольга просит Олега повлиять на Игоря, привлечь его к участию в "княжеских судах". Своей лестью Ольга отвращает от Игоря и его воинов гнев старого князя (88). Княгине обидно за своего супруга, имя которого не воспевается в песнях. Равнодушие Игоря раздражает ее, приводит в растерянность. "Что с ним делать? Тошнехонько, ... часто сердце щемит!", – жалуется Ольга (125). Пытаясь повлиять на мужа, княгиня обращается за помощью то к Свенельду, то к старому воину, своему стороннику Асмуду. Отсутствие внимания к себе со стороны супруга также доставляет Ольге немало огорчений.

Специфика исторической ситуации, отраженной в "Сказании об Ольге", ориентировала З.А. Волконскую на деление персонажей по национальному признаку (одна из особенностей исторической прозы В. Скотта) – на славян и скандинавов. Объединяя на страницах произведения характеристики разных народов, воспроизведенные сквозь призму взаимодействия их культурных традиций, автор тем самым представляет историю Киевской Руси как часть истории общеевропейской.

"Сказание об Ольге" З.А. Волконской внесло свою лепту в развитие русской исторической прозы первой половины XIX века, способствуя постижению и осмыслению восточнославянской истории воспроизведением одного из важнейших ее этапов.

Литература:

1. Волконская З. А. Сказание об Ольге // Сочинения. – Париж-Карлсруэ, 1865. – С.37-150.
2. Гаррис М. А. Зинаида Волконская и ее время. – М., 1916. – 136 с.
3. Далин О. История Шведского государства. – СПб., 1805. – Ч. 1. – Кн. 1-2. – XXI, 956 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб., 1818. – Т. I. – XXXVI, 254, 220 с.
5. Карамзин Н. М. Примечания к "Истории государства Российского" // Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб., 1818. – Т. I. – С.3-217.
6. Малле П. А. Введение в историю датскую, в котором рассуждается о вере, законах, нравах и обыкновениях древних датчан. – СПб., 1785. – Ч. 1. – XV, 320 с.
7. Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. – К., 1871. – 35 с.
8. Патриаршая, или Никоновская летопись // Полн. собр. рус. летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. 9 – 10. – XXIII, 224 с.

9. Погодин М.П. Нечто о роде великой княгини Ольги // Труды и летописи Общества истории и древностей Российских. – 1828. – Ч. IV. – Кн. 1. – С. 130-138.
10. Полевой Н. История русского народа. – М., 1829. – Т. 1. – LXXXII, 368, VII с.
11. Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. – СПб., 1809. – Ч. 1.-7, 16, XLI, 475 с.
12. Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. – СПб., 1816. – Ч. 2. Рурик, первый великий князь, с 865-879 г., Олег, второй великий князь, с 879-913. – 4, 832 с.

Анотація

А. ВИСОЦКИЙ. СЛОВ'ЯНИ ТА СКАНДИНАВИ У "СКАЗАНИИ ОБ ОЛЬГЕ" З.О. ВОЛКОНСЬКОЇ

Стаття присвячена окремим аспектам художньо-історичної концепції твору З.О. Волконської "Сказание об Ольге". Зокрема, йдеться про особливості авторської інтерпретації історичних джерел, про характеристику образів перших правителів Київської Русі у контексті позиції З.О. Волконської щодо питання про участь скандинавського етнокультурного елементу в початковому етапі існування державності у східних слов'ян.

Ключові слова: історична проза, Київська Русь, слов'яни, скандинави, Рюриковичі.

Аннотация

А. ВЫСОЦКИЙ. СЛАВЯНЕ И СКАНДИНАВЫ В "СКАЗАНИИ ОБ ОЛЬГЕ" З.А. ВОЛКОНСКОЙ

Статья посвящена отдельным аспектам художественно-исторической концепции сочинения З.А. Волконской "Сказание об Ольге". В частности, речь идёт об особенностях авторской интерпретации исторических источников, о характеристике образов первых правителей Киевской Руси в контексте позиции З.А. Волконской в вопросе об участии скандинавского этнокультурного элемента в начальном этапе существования государственности у восточных славян.

Ключевые слова: историческая проза, Киевская Русь, славяне, скандинавы, Рюриковичи.

Summary

A. VYSOTSKIY. THE SLAVS AND SCANDINAVIANS IN "THE LEGEND OF OLGA" BY Z.A. VOLKONSKAYA

The article focuses on some historical concept aspects of Z.A. Volkonskaya's literary work "The Legend of Olga". In particular it concerns peculiarities of the author's interpretation of historical sources and characteristics of the first Kiev Rus rulers in the context of Z.A. Volkonskaya's attitude to the problem of Scandinavian ethnic-cultural element at the early stage of the East Slav statehood existence.

Key words: historical prose, Kiev Rus, the Slavs, the Scandinavians, the Ruricovitches.